

Кондиайн Элеонора Максимилиановна

Воспоминания (фрагмент). Электронная машинопись, 5 стр.

Счастливым свойством обладает человек — упекать в темный, глухой чулан памяти свои тяжелые переживания, завалить их всяким барахлом новых впечатлений, и можно жить беззаботно, даже весело. Кто не обладает этим свойством, тот, очевидно, сходит с ума.

А вот стоит копнуть в этом чулане памяти, вытащить одну деталь, и за ней потянутся все новые и новые подробности пережитого, и переживешь все заново, как тогда.

* * *

Тот шестнадцатый день рождения Олега (старший сын Э.М. Кондиайн) — 19 сентября 1937 года — мы решили отметить, когда вернется папа. А как забрали мужа в июне, так до сих пор о нем ни слуху ни духу.

Мы все же отметили немного этот день тем, что вечером, лежа в своих постелях, мы с Олегом разговорились по душам, как кажется, никогда раньше. Темно было в нашем тихом домике на Удельной, на Поклонногорской улице, где мы снимали комнату. Все обитатели спали сном праведным. Спал и Ярослав, мой младший сын. Ему летом исполнилось десять.

Наша беседа затянулась за полночь.

В ночной тишине слышим шум приближающейся машины. Слышим, она заворачивает в наш прогон. Остановилась. Сердце усиленно забилося.

— Это за мной, — говорю я.

Звонок.

Я не иду открывать. Говорю:

— Знай, Олежик, я ни в чем не виновата. Меня, наверно, вызывают по папиному делу. Он тоже ни в чем не виноват. Дело выяснится, и мы скоро вернемся.

Обыск продолжался 6 часов. Были пересмотрены все до единого мои рисунки и наброски.

— Одевайтесь. Можете взять одежду, белье.

Я подумала, если муж сидит уже четвертый месяц, то и я могу просидеть месяца 2-3. Надо взять зимние вещи. Я достала свой полушубок, шапку-ушанку, русские сапоги, белье, платье для смены, маленькую подушечку и... зеленое грубошерстное одеяло.

* * *

В конце октября нас вывели из камеры по коридору и лестницам и привели в большой зал, вероятно, Красный уголок. Человек в форме ГПУ по книге называл одну за другой из коридора, где

нас остановили. Зачитывали нам постановление Особого Совещания ГПУ, НКВД СССР, Москва, 1937 г.: «...Как члена семьи изменника Родины (или врага народа) (жена) заключить в исправтрудлагеря (Нарым) сроком на 8 лет», некоторым на 5 лет. Как мы после ни ломали себе головы, мы так и не могли понять, какими соображениями руководствовались те, кто устанавливал сроки.

Я получила 8 лет.

— Как 8 лет? — протянула одна, — а зим сколько?

Тут пошли слезы, истерики. Явилась сестра и щедро оделила всех валерианкой.

Я подумала — 8 лет. Это значит, Ярослав успеет закончить школу.

Этап

Через несколько дней нас собрали в этап. В автобусах нас повезли на Октябрьский вокзал (теперь Московский). Автобус был набит битком. На подножке — стрелок. В проходах нам велено было сидеть на корточках.

На запасных путях вокзала длинный состав теплушек. У каждого вагона стрелок с ружьем и овчаркой. По дощатым сходням мы по 40 человек вошли в темную холодную теплушку. Задвинулась дверь, и щелкнул засов.

Томск. Карантин

Завезли нас на какие-то пустынные пути. Снег, мороз. Стрелки в овчинных полушубках и валенках. Гляжу в окошко — из передних вагонов по сходням спускаются женщины с младенцами на руках. 33 или 35 матерей. Потом стали выходить остальные.

Бесконечной колонной по 5 человек в ряд шли мы по снегу, сухому, рассыпчатому. Мороз -40 градусов.

Старая Томская тюрьма. Через большие ворота в белой каменной стене прошли мы в просторный двор. Каменные дома. Побеленные, со здоровыми решетками на окнах.

Очутились мы в камере. Полумрак, хотя два окна, но они покрыты толстым слоем льда. Толстые железные решетки на перекрестках схвачены кольцами. Все покрыто желтым ржавым льдом — сосульки-сталактиты, а на подоконниках под ними головы сталагмитов. С окна спускается, клубясь, пар. Печки нет, но 200 человек «отопляют» помещение.

Прогулки

Изредка нас выводили на прогулку. Пройдя двор, нас загоняли в загородки, отгороженные высоким плотным тесом. На углу вышка со стрелком. Поверх ограды виден другой тюремный корпус. Из-за оконных решеток на нас глядят мужчины. Они пальцами у нас спросили: кто? — мы ответить не умели. А мы все искали мужей.

В следующий раз я взяла свое зеленое одеяло, чтобы потрясти, и повесила его на загородку против окон, под вышкой. Взяла кусок сухого снега и стала писать по одеялу снегом крупно:

«Мы жены политических из Ленинграда». Спросила, кто они. Но они нам ничего не могли передать.

Стрелок не мог видеть, что я пишу. Я будто одеяло снегом чистила.

Распорядок дня

В 6 часов подъем.

Туалет.

Завтрак: 1,5 литра кипятку, кусок хлеба и миска жидкой каши. После завтрака мы могли гулять по нашему проспекту — «Бродвею» — вдоль стены. Здесь росло несколько больших прекрасных тополей.

Обед — баланда, похлебка.

Прогулка до ужина. После ужина уже выходить нельзя.

«На поверку» выстраивались летом на «проспекте», зимой — в проходе барака. Стрелок считал. В 24 часа отбой и спать.

* * *

Вообще меня окружало очень интересное общество: партийные работники, жены крупных партийцев, специалисты в самых разнообразных областях: врачи, химики, певицы, астрономы.

С нами были две неразлучные сестры Тухачевские: Леля и Маруся — сестры Михаила Тухачевского. Милейшие, скромные, типа дореволюционных интеллигенток. Напоминали они (не внешне) сестер из «Хождения по мукам» А. Толстого. Они трогательно заботились друг о друге.

Была с нами вторая жена Бухарина — очень молодая красивая женщина. Она много хорошего рассказывала о муже.

Были жена Якира и мать Ягоды.

В Магадан и на Яю

Собрали этап в Магадан. Туда отправили примерно одну треть жен. Матерей с детьми оставили. Всех, кто не попал в Магадан, отправили на Яю (последнее слово Советской энциклопедии).

Большой лагерь на ровном месте, окруженный высоким деревянным выбеленным забором с вышками. Длинные низкие бараки, как на моей новогодней стеариновой лепешке.

Карантин — месяц. Потом нас перевели в большие бараки. Это уже был прогресс! Не нары, а каркасная система — каждый получил отдельное место вверху или внизу, от соседки место отделено горизонтальной доской.

Места занимали сами. Все бросились скорее занимать хорошие места.

Нам объявили, что мы будем работать на швейфабрике. С нетерпением мы ждали этого часа.

Швейфабрика

Швейфабрика была отгорожена от общего лагеря. Вход через проходную, десять бревенчатых цехов с большими окнами.

Один цех был ватный. Там машины — валы с шипами — теребили обрезки, лоскутки от покроя, превращая их в вату. Там в густой пыли и в дыму шевелились люди. Вата часто загоралась, добавляя к пыли еще и зловонный дым.

Один из цехов был цехом ширпотреба, там хорошие портные и портнихи обшивали начальство. Монашки делали кружева и тончайшие вышивки на дамском белье, стёжили ватные одеяла на огромных пьльцах. В швейных цехах было два конвейера, по двадцать пять машин. Кроме того, одна машина обметывала и пробивала петли, одна пришивала пуговицы, а еще одна — оверлок — обметывала швы. Меня посадили на мотор, на первую машину конвейера, пришивать наколенники на передки солдатских галифе.

Работали с шести утра до шести вечера или в ночную смену с шести вечера до шести утра. Полчаса на обед, ночью — на чай, то есть кипяток.

Стали с нас требовать выполнения нормы, а мы не можем. Давали нам меньше хлеба. Но мы не могли давать нормы, не было навыка, сноровки.

Война

Сидели мы втроем на нашей поляне. Вдруг кто-то прибежал и крикнул: «Война! Германские войска перешли нашу границу». У меня сердце упало. Первая мысль — Олег! Я сразу пошла в комендатуру с заявлением: прошу меня отправить на фронт в качестве санитарки. Комендант молча взял заявление. Вслед за мной и другие заключенные стали осаждать комендатуру с подобными заявлениями. Комендатура хранила молчание. Через три дня комендант пришёл к нам в барак и объявил, что нас даже на пушечный выстрел не подпустят к фронту.

А жизнь текла дальше. Перемены наступили не сразу. Постепенно стало голоднее и холоднее. Топлива не было. На вторую зиму стали запасаться торфом. В одном месте нашей территории было болото, стали мы резать торф на кирпичи, складывали пирамидками для просушки.

Зимой 43-го — уже голод.

Победа

Узнала я о Победе на территории фабрики. Дух захватило от счастья. Забралась я в глухой уголок между цехами и горько, хорошо плакала. Жаль мне было тех, кто не дожил до этого дня. Весна, солнце, молодая трава.

Начали освобождаться «восьмилетки». Невыносимо тяжело было дожидаться, когда вызовут. Как

проходили эти дни и как меня вызывали, я не помню. Вышла я 24 сентября. Помню, что мы сдавали казенную одежду.

За воротами меня встретили те, кто вышел раньше. Повели в свое маленькое общежитие. Дух захватывает! Гляжу — избашка, заборчики, бегают ребятишки. Во дворе корова. Я ищу признаки больших перемен. Мне кажется, что за 8 лет все должно было измениться. Меня даже поразило, что люди говорят на том же русском языке.

* * *

Долго мне все казалось, что за мной идет, следит стрелок или шпик. В комнате нашего общежития были обе Тухачевские, Т. Римская-Корсакова и еще две (не помню их).

Все мы должны были год отрабатывать вольнонаемными в лагере. До окончания работы в лагере нам паспорта не давали. Понадобилось послать меня в командировку в Кемерово за анилиновыми красками. Мне был нужен паспорт. И начальник пошел со мной в милицию получать паспорт. Там у начальника была знакомая, он торопился, и мне случайно оформили паспорт без ограничения места жительства. Остальные ведь получали паспорта без права проживать в декретных городах. Я бы могла прямиком поехать в Ленинград, но меня прикрепили к комендатуре, где я должна была ежемесячно отмечаться